

НАЧАЛО ТЕМЫ — НА 2 — 3-й СТР.

ЛУЧШИЙ МУЗЕЙ, ХРАНЯЩИЙ ПАМЯТЬ О СТРАШНОМ ВРЕМЕНИ, ПЕРЕЖИВАЕТ ВТОРУЮ ОСАДУ

Музей блокады превратится в муляж?

Немецкий мотоцикл «Cunnap KCBM» поражает воображение и взрослых, и детей.

ТАКОЕ уже было в истории мемориального Музея обороны и блокады Ленинграда — более 60 лет назад под предлогом «ре-экспозиции» музейное учреждение, занимавшее целый квартал с главным входом на набережной Фонтанки, закрыли, отдав выставочные помещения (40 тысяч кв. м) военным научно-исследовательским институтам, коллекцию расформировали, часть сотрудников посадили... И один из самых посещаемых музеев города (до полтора миллиона человек в год!) оказался в блокаде на 40 лет. Потом — в 1989 году — музей возродили на том же месте, в Соляном переулке, но на значительно меньшей площади — всего-то 1100 кв. метров (выставочная площадь — около 800 кв. метров), и, конечно, многие экспонаты домой не вернулись.

Игрушки блокадных детей. «Хорошо, чтобы судьба этого маленького пупсика, куколки за 1 рубль, заставила бы задуматься современных мам и их детей» (из письма Ники Константиновны Бойко, недавно ушедшей из жизни).

Сейчас музей в Соляном переживает, прямо скажем, не лучшие времена: у него нет средств на обновление фондов, им не занимаются власти — никто из вождей города и чиновников комитета по культуре туда не ходок (недавний краткий визит вице-губернатора Василия Кичеджи не в счет). Кроме того, надвигаются холода, и музейное руководство в сильнейшем волнении: а вдруг, как и в прошлом году, музей не будет отапливаться? Ведь помимо него в четырехэтажном здании в Соляном находятся военные, которые давно не платят по счетам, а также частный отель, занимающий верхний этаж. Гостиница, кстати, тоже доставляет музейным работникам немало хлопот: однажды отельеры залили учреждение водой, слава богу, экспонаты тогда не пострадали.

Но нельзя сказать, что в музее совсем ничего не делается. Делается! Однако это тот случай, когда лучше бы ничего не делалось: целый зал монтируют под мультимедийную инсталляцию, которая, по мысли разработчиков, должна приблизить нас к военному времени. Два с половиной года назад, когда еще комитет по культуре возглавлял Антон Губанков, известный любитель интерактива и всевозможных инсталляций, в мемориальный Музей обороны и блокады Ленинграда решили внедрить новые технологии — как-никак XXI век на дворе. На это отводилось достаточно много средств. Суть этих новшеств — в зрелищности, «киношности», мультимедийности, дескать, иначе не достучаться до молодого поколения, которое преступно мало знает о блокаде.

Иными словами, посетители, пришедших в музей, будет встречать не огромный живописный портрет маршала Советского Союза Георгия Жукова, не аутентичный немецкий мотоцикл, не солдатские каски, фаустпатроны, добытые поисковиками на Невском пятке или Синявинских высотах, не дневники голодных ребят, не игрушки погибших блокадных детей, при взгляде на которые — мороз по коже (вот что по-настоящему пробирает!), а мониторы с мелькающими кадрами хроники, свисающей откуда-то сверху виртуальной полуторкой, пустыми глазницами окон, разрушенными домами, картой Советского Союза под ногами...

Можно и не ходить по залам — все на экране покажут, как в кинотеатре, разве что попорн не предложат.

Но опасность кроется не в мультимедийном продукте новых технологий — пусть себе будут. Опасность в том, что музей, родившийся в конце войны, отразивший в своей экспозиции все этапы битвы за Ленинград и имеющий в своем арсенале уникальные военные экспонаты — хлебные карточки, вещи, дневники ленинградцев (а когда-то там был и искореженный осколками снаряда вагон блокадного трамвая, и боевой самолет, и немецкие танки, и многое другое), превратится в музей сплошных подделок и муляжей, если вообще не закроется, ведь не надо забывать, что учреждение находится в замечательном месте, сердце Петербурга, где каждый метр стоит баснословных денег, а рядом — Летний сад, Михайловский замок...

«Музей обороны Ленинграда является наиболее замечательной военной выставкой из всех виденных мною. Героическая оборона города заслуживает увековечивания в нашей памяти в вещественном выражении — настоящий музей достойно осуществляет это», — оставил запись в книге отзывов бывший командующий союзников генерал Эйзенхауэр в августе 1945-го, когда был в Ленинграде в сопровождении маршала Жукова. С тех пор много записей хранит книга отзывов — и все они благодарственные, выражают признательность сотрудникам музея за их деятельность. Но разве чиновники заглядывают в книгу отзывов? Разве им интересна реакция посетителей музея, среди которых не только наши ветераны и блокадники, школьники и студенты, но и много иностранцев, причем последних — большинство?

Если бы была внятная музейная политика, то разве сотрясали бы скандалы музейное сообщество? То какой-то музей мучают проверки, то кому-то не выделяют средства, то кто-то по распоряжению Минкульта должен устраивать в свой выходной «музейные среды» и работать до 21.00, а кого-то реставрируют с тем, чтобы закрыть и не открывать никогда...

Как может глава администрации одного из районов говорить заслуженному музейному работнику, много лет тянувшему на себе все непотные дела местного музея: «Я вас уволю, а на вашу должность возьму своего молодого помощника, он сделает музей современным, интерактивным?»

А надо ли стараться создавать интерактивные музеи? В случае с Музеем обороны и блокады историк краевед, публицист Лев Лурье уверен, что надо. По его мнению, такое событие, как блокада Ленинграда, должно быть отражено в величественном памятнике, которым может стать, например, крепость Орешек, где будет место и интерактиву.

— А если придется для этого поделиться экспонатами? — Думаю, экспонаты найдутся. Но я хочу сказать о другом: у нас иностранцев, которые посещают музей, больше, чем российских граждан, — уже к 1 июля мы выполнили план. Они там на своем Западе уже устали от этого интерактива, от всех этих кинозалов, где показывают хронику, у нас иностранцы могут посмотреть подлинные предметы военного времени, раритеты. И вместо того чтобы заниматься расширением площадей, нам все время твердят: у вас старый, затхлый, пыльный, никому не нужный, несовременный музей.

— И это про самый ленинградский музей, который уважают народным... — Если говорить об истории музея, то в 1989 году, когда музей вновь открыли, здесь был спортзал военно-морской базы. 30 апреля сюда зашел персонал и увидел пустое место — хоть бегай, прыгай, став сетку. И на этом пустом месте музей стал создаваться, и все, что вы здесь видите, привозилось, приносилось, дарилось ленинградцами, поисковиками, коллекционерами, что-то мы, конечно, купили — сегодня у нас 50 тысяч единиц хранения.

— Сергей Иванович, а те экспонаты, которыми до закрытия в 1949 году располагал музей, к вам не вернулись? — Большая часть наших экспонатов ушла в Музей истории города — там у них своя выставка, посвященная блокаде. Вот, вы видите, висят 26 полотен из Петропавловки, которые мы им передали в 1949 году, а потом вернули, но уже на временное хранение. Раз в два года к нам приходят эксперты и говорят: «Хорошо, что они у вас находятся, иначе они бы лежали в рулонах».

— Да, все один в один повторяется. Я работаю в музее уже пять лет и могу сказать, что проблем здесь много. — А насколько реально вернуть те площади, которые занимал музей при своем рождении, в 1944 — 1946 годах? — Вокруг нас находятся военные институты, которые сейчас освобождают помещения. То есть сейчас есть реальная возможность расширить музейную территорию, ведь весь Соляной городок был наш! Но этим постоянно занимаемся. Я как-то разговаривал с Михаилом Осеевским в бытность его вице-губернатором, спрашивал: «Как так получилось, что в четырехэтажном здании, где мы занимаем второй этаж, остальные три занимают военные институты, замыкающиеся на Москву, то есть отсутствуют к федеральной, а не региональной собственности?» На что мне сказал: «В нашей стране все может быть». Ну скажите, вы разве можете в шестнадцатизэтажном доме, который принадлежит Петербургу, выпустить второй этаж для Москвы?

— Я согласна с верней, что у нас может быть то, чего не может быть... — Мне думается, что в этой ситуации можно сделать только одно — надо заниматься присоединением площадей, которые могут бездарно уйти под какие-либо коммерческие структуры. Если бы город захотел, он бы эту проблему решил. И не надо строить никаких призрачных городов, миражей на песке — новые огромные комплексы, панорамы; нужно бороться за то, что

— Не думаю, что крепость «Орешек» годится для такого проекта — кто будет создавать там музей? Это же огромные деньги! Есть еще одна идея, которую высказала в письме к президенту Ирина Борисовна Скрипачева, возглавляющая организацию «Жители блокадного Ленинграда», — построить на Ладоге монумент, равный Родине-матери, ансамблю «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в Волгограде, — рассказывает замдиректора Музея обороны и блокады Ленинграда Сергей ГЕТЕЦ (на фото). — Но у меня один вопрос: а кто все это будет финансировать? Как все это сделать? Я не понимаю механизма реализации проекта, хотя мы и не против того, чтобы сделать грандиозный памятник блокаде, объединив усилия всех военных музеев.

— Музей создавался на пустом месте, и все, что вы здесь видите, привозилось, приносилось, дарилось ленинградцами, поисковиками, коллекционерами, что-то мы, конечно, купили — сегодня у нас 50 тысяч единиц хранения.

Так будет выглядеть обновленный музей.

Экспозиция размещена в бывшем зале ленинградской промышленности.

— Сергей Иванович, мы с вами стоим возле плаката, на котором очень актуальный текст: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева»... — Да, все один в один повторяется. Я работаю в музее уже пять лет и могу сказать, что проблем здесь много.

— А насколько реально вернуть те площади, которые занимал музей при своем рождении, в 1944 — 1946 годах? — Вокруг нас находятся военные институты, которые сейчас освобождают помещения. То есть сейчас есть реальная возможность расширить музейную территорию, ведь весь Соляной городок был наш! Но этим постоянно занимаемся. Я как-то разговаривал с Михаилом Осеевским в бытность его вице-губернатором, спрашивал: «Как так получилось, что в четырехэтажном здании, где мы занимаем второй этаж, остальные три занимают военные институты, замыкающиеся на Москву, то есть отсутствуют к федеральной, а не региональной собственности?» На что мне сказал: «В нашей стране все может быть». Ну скажите, вы разве можете в шестнадцатизэтажном доме, который принадлежит Петербургу, выпустить второй этаж для Москвы?

— Я согласна с верней, что у нас может быть то, чего не может быть... — Мне думается, что в этой ситуации можно сделать только одно — надо заниматься присоединением площадей, которые могут бездарно уйти под какие-либо коммерческие структуры. Если бы город захотел, он бы эту проблему решил. И не надо строить никаких призрачных городов, миражей на песке — новые огромные комплексы, панорамы; нужно бороться за то, что

мы имеем: Соляной городок, выставочные площадки, конференц-зал, то есть вернуть все в исходное состояние. Вот что надо финансировать, вот что должен сделать город. Кстати, наши соседи — Академия имени Штигилица — совершенно бесплатно сделали архитектурный проект — альбом по реставрации музея, который мы передали в вышестоящие инстанции. Предполагалось,

если бы близлежащие здания отдали нам, то их бы реставрировали, построили атриумы, обустроили дворы. — А будет ли реализована идея «Битвы за Ленинград» — строительства 80-метровой пирамиды — филиала музея в районе Пискаревского мемориала? — Этот проект обсуждался несколько лет назад. Цена вопроса — 4,5 млрд. рублей. Но

В блокадные дни в школах продолжали учить детей...

— Не надо из музея делать кинотеатр. Я езджу за границу с 1996 года — на Западе это все надоело, люди желают посмотреть на настоящий пулемет, а детишки хотят примерить настоящую каску...

опять-таки никто не мог понять: кто это все будет финансировать? И все задохнулось, умерло, не родившись. А жаль. Ведь у нас музей востребованный, народу полно, более того, иногда я слушаю такие скандальные выступления на тему «почему закрыты?».

— А к интерактиву вы готовы?

— Готовы. У нас уже есть пилотный вариант — на первом этаже. Приходите — покажем. Только интерактивное должно быть фрагментарно вписано в экспозицию — не надо из музея делать кинотеатр. Я езджу за границу с 1996 года — на Западе это все надоело, люди желают посмотреть на настоящий пулемет, а детишки хотят примерить настоящую каску. У нас есть концепция развития музея, есть желание работать — нужна только воля города, который начал бы переговоры с Москвой о передаче дополнительных помещений Музею обороны и блокады Ленинграда. А мы бы не закрывали музей, параллельно делали ремонт и дополнительную экспозицию, интерактивные выставки... И через пять лет, думаю, мы будем лучшим музеем и Петербурга, и Европы.

Людмила КЛУШИНА, фото Натальи ЧАЙКИ

Обсуждаем! vppress.ru